

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Галина Ивановна ДАНИЛИНА¹

УДК 82.01

МАРСЕЛЬ ПРУСТ В «БОЛЬШОМ ВРЕМЕНИ» ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ (ПО РАБОТАМ С. Н. БРОЙТМАНА И А. В. МИХАЙЛОВА)

¹ доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
g.i.danilina@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-0100-0948

Аннотация

В статье представлен опыт изучения романного цикла Марселя Пруста в научной школе исторической поэтики. Исследование выполняется на материале научных трудов С. Н. Бройтмана «Историческая поэтика» (2004) и А. В. Михайлова «Методы и стили литературы» (1980-е), «Проблема характера в искусстве: живопись, скульптура, музыка» (1988). Как постановка проблемы характеризуется идея «большого времени» М. М. Бахтина; далее показаны пути и результаты ее применения С. Н. Бройтманом в анализе романа «В поисках утраченного времени». На основе понятия Бахтина «диалог в большом времени» между «я и другим, автором и героем», а также его разграничения композиционных и архитектурных форм С. Н. Бройтман выявляет архитектурную новизну романа Пруста: интересность автора и героя, нестационарный сюжет, возрождение древней поэтической образности. Другой подход к Прусту представлен в концепции А. В. Михайлова, направленной на раскрытие процесса переосмыслений ключевых слов культуры в «большом времени» исторической поэтики. «Личность» и «характер»

Цитирование: Данилина Г. И. Марсель Пруст в «большом времени» исторической поэтики (по работам С. Н. Бройтмана и А. В. Михайлова) / Г. И. Данилина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 3 (31). С. 45-58.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-3-45-58

для Михайлова — наиболее существенные, репрезентативные ключевые слова; по его наблюдениям, в эпоху Пруста осуществилось завершение процесса их переосмысления, что привело к рождению нового «я» и его новых отношений с временем и окружающим пространством. Согласно логике Михайлова, значение романа «В поисках утраченного времени» в этом плане принципиально, и в статье выявляется, в чем это значение состоит. Второй аспект концепции Михайлова, актуализируемый в статье — его методология анализа «переходного» языка культуры и искусства на рубеже XIX-XX вв.; она рассматривается как методологическая перспектива для исследования романа Пруста. В концепции С. Н. Бройтмана новизна романа Пруста раскрывается на уровне структуры изображенного мира (автор — герой, сюжет, синкретическая образность), в концепции А. В. Михайлова — мира изображающего (переосмысление «характера» в «личность», меняющаяся рецепция прошлого и настоящего), что свидетельствует о творческой продуктивности идей Бахтина для многостороннего изучения романа Пруста в свете исторической поэтики.

Ключевые слова

Бахтин, Пруст, историческая поэтика, С. Н. Бройтман, А. В. Михайлов, «большое время», архитектура сюжета, автор и герой, переосмысление личности, поэтика времени.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-3-45-58

Введение

Школа исторической поэтики, сложившаяся в России на основе идей А. Н. Веселовского, высказанных еще в 1870-1890-е гг., развивалась на протяжении столетия и продуктивно работает и сейчас. Центральная проблема в истории школы — изменчивость художественных форм в ходе времени; и вопрос о времени, т. е. о том, как эти изменения находить и изучать, направлял и продолжает направлять движение научной мысли в области исторической поэтики.

Вклад Бахтина в этом плане исключительно велик [12]. «Умение видеть время, читать время в пространственном целом мира» [1, с. 293], по словам Бахтина, — глубоко принципиальный для писателя момент. Вопрос о времени ставится Бахтиным в разных аспектах и объединяет многие его работы; он ведет от «Философии поступка», где сказано об «историчности бытия-события», к известным трудам 1930-1940-х гг. («Формы времени и хронотопа в романе», «Роман воспитания и его значение в истории реализма»), в которых рассматривается историчность литературной эпохи, изображенного и изображающего мира, литературного героя, и затем к самым последним записям и текстам, акцентирующим проблему «большого времени» («Ответ на вопрос редакции „Нового мира“», «К методологии гуманитарных наук») [6]. Бахтинской мыслью о «большом времени» определяется концепция исторической поэтики С. Н. Бройтмана (1937-2005) и его путь исследования романов Пруста.

«Замыкать произведение в его эпохе нельзя: полнота его раскрывается только в *большом времени*», — писал Бахтин [2, с. 455]. Он указывал на «медленное» формирование эстетических форм видения и мышления: «Они развиваются дальше, но медленно (в пределах эпохи их не уследишь)» [2, с. 456]. Прочитируем последнюю работу Бахтина «К методологии гуманитарных наук»: «Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту (он уходит в безграничное прошлое и в безграничное будущее). <...> Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения. Проблема *большого времени*» [3, с. 373].

Историческая поэтика изображенного мира

Рассмотрим, как бахтинская идея «большого времени» участвует в концепции Самсона Наумовича Бройтмана, и отсюда перейдем к тому, как его подход реализуется в анализе романов Пруста: какие наблюдения позволяет сделать, к каким новым выводам приводит.

«Методологические проблемы исторической поэтики разрабатывает М. Бахтин, эксплицировавший центральное для этой дисциплины понятие „*большое время*“», — отмечает Бройтман. Столь же важным, по его убеждению, оказалось для исторической поэтики и понятие «диалог в большом времени» между «я и другим, автором и героем», а также «предлагаемое Бахтиным разграничение архитектурных форм и форм композиционных», включая противопоставление «образа-личности» и характера [4, с. 7-11].

С. Н. Бройтман традиционно делит историю поэтики на три макроэпохи; у каждой есть свой «смыслопорождающий принцип», предопределяющий ее поэтологическое содержание: в дописьменную эпоху это «синкретизм» (понятие Веселовского), далее наступает стадия «эйдоса» и «эйдетической поэтики» (включающей «двадцать шесть веков мифориторической культуры», по Э. Р. Курциусу) и, наконец, современная стадия (начавшаяся с конца XVIII в.). Ее обычно называют «эпохой модерна»; Бройтман дает свое название этой эпохе и ее смыслопорождающему принципу: «поэтика художественной модальности».

По наблюдениям С. Н. Бройтмана, на рубеже XIX-XX вв. образ и идея, слово и обозначаемое им состояние расходятся. Происходит «осознание автономии этих двух начал», приводящее к тому, что сам акт воплощения эстетической эмоции в слове стал выходом из одного мира в другой. «Сформулировал это уже в XX в. М. Пруст», — отмечает Бройтман и передает мысль Пруста следующим образом: «Мы воспринимаем в одном мире (физическом...), мыслим и называем в другом (метафизическом мире слов и идей...)» [4, с. 229].

В формировании самого понятия художественной модальности Пруст играл для С. Н. Бройтмана важнейшую роль; особенности его романов во многом задают вектор модальности в исследовании третьей эпохи исторической поэтики. Структура анализа выстраивается Бройтманом с опорой на сложившуюся традицию (с учетом открытий А. Н. Веселовского и нового опыта науки — Э. Р. Курциус, А. В. Михайлов, Н. Д. Тамарченко), но прежде всего в соответствии

с идеями и замыслами «Эстетики словесного творчества» Бахтина: в первую очередь изучается эстетическая деятельность автора по оформлению героя, т. е. субъектная сфера. Далее рассматриваются словесный образ, сюжет и его архитектоника, жанр — все основные компоненты поэтологической системы каждой из эпох в их внутренней взаимосвязи с единым смыслопорождающим принципом.

С. Н. Бройтман развертывает мысль Бахтина во всей широте своего описания трех эпох поэтики и прилагает ее к романам Пруста. Он видит в эпопее Пруста отражение нового измерения целостности мира; и это не предметная и не идеальная, а модальная целостность: «*Мир един не как вещь или идея, а как состояние этих двух автономных начал, между которыми всегда остается непроходимая черта*» [4, с. 229]. Как показывает исследователь, «от синкретизма идеи и образа через их неавтономное различение искусство пришло к их автономной причастности, не стирающей границы между модальными феноменами» [4, с. 229]. Это открытие новой целостности мира, по убеждению С. Н. Бройтмана, свидетельствует о сути перемен в общем художественном мышлении эпохи, присущем и современникам Пруста. Обращаясь непосредственно к Прусту и его личным творческим принципам, Бройтман выводит в центр исследования субъектную сферу и сосредоточивается на ее главных аспектах — это автор и герой.

Новый герой и новый автор

«На первый взгляд, — отмечает Бройтман, — субъектная сфера и повествовательная ситуация у Пруста „едва ли не тривиальны“: повествование от „я“, за которым угадывается биографическая личность автора» [4, с. 260] (речь идет о начальном эпизоде романа «По направлению к Свану»). Но на деле за этим «я», как выявляет С. Н. Бройтман, скрывается некий «неопределенный субъект», маркирующий «воскресение-пробуждение личности (в том числе личности героя-повествователя), но отнюдь не характера» [4, с. 261]. Итак, личность героя у Пруста отделяется от характера; и это «не только исходная, но и ключевая ситуация романа» [4, с. 261]. Здесь мы сталкиваемся с ключевым, по мнению Бройтмана, парадоксом для понимания субъектной ситуации у Пруста. А именно: кто совершает выбор субъекта? Ведь в первой сцене романа нет субъекта.

В процессе последующего детального анализа исследователь обнаруживает, что в структуре «я» у Пруста проступает «неклассическая intersubъектная исходная целостность» (характерная для дописьменной эпохи и ее синкретической поэтики), предшествующая раздельному существованию «я» и другого. И в романе Пруста «По направлению к Свану» это «неопределенное, безразмерное, нулевое „я“», по наблюдениям Бройтмана, трансцендентно эмпирическому «я» и является по отношению к нему «авторским» [4, с. 261-262].

Это открытие Марселя Пруста С. Н. Бройтман характеризует как этапное в многовековой эволюции субъектной сферы литературы. Оно на новом уровне, как выявлено Бройтманом, возвращает поэтику к исходному синкретизму

автора и героя, и к их последующему различению и автономии, к литературе, перешедшей от изображения характера к изображению личности. Это открытие тем самым «объясняет эволюцию форм повествования и само возникновение персональной и многосубъектной повествовательной ситуаций с присущими им тенденциями к изменению классического статуса автора и героя» [4, с. 262].

Таким образом — и это показательный вывод ученого, — носителем нового эстетического содержания в романах Пруста становится субъектная организация повествования: на вопрос о «я» роман Пруста, по словам С. Н. Бройтмана, «не дает ответа только логического и умозрительного, как и сюжетно-прагматического решения, но *дает ответ самой архитектурной субъектной сферы*, которая начинает нести в себе разрешающий смысл» [4, с. 266].

Новый словесный образ

В этой области Бройтман также обнаруживает яркую особенность поэтики Пруста, отсылающую к «большому времени» поэтики — это возрождение некоторых архаических принципов образности. На рубеже XIX–XX вв., как показывает Бройтман, неосинкретизм оживает и в литературе, и в живописи, и в музыке. «Новым видением мира объясняется актуализация архаического образного языка»: воскресает «*наиболее древняя форма параллелизма — двучленная*» [4, с. 278]. Ученый приводит два поразительно близких примера: из романа Пруста «Под сенью девушек в цвету» и романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» (написанного значительно позднее, уже в 1950-е гг., но также в эпоху поэтики «художественной модальности»). Пример из Пруста: «Между родным краем девушки и ее темпераментом, управляющим модуляциями голоса, мне слышался диалог. Девушка все еще представляла собой родину» (пер. Любимова). И у Пастернака соплагаются родина и девушка: «И эта даль — Россия... <...> Вот это-то и есть Лара» [4, с. 279].

Здесь, как отмечает Бройтман, сам образный язык «*имманентно несет в себе архаическую семантику не условного сходства, а субстанциального синкретизма*» [4, с. 279]. Этот язык, как поясняет далее Бройтман, требует не метафорического, а буквального понимания того, что женщина и есть природа или страна (а не «похожа» на них). Троп по своей природе не способен стать носителем такой семантики, поэтому он восполняется в поэтике художественной модальности возрожденным двучленным параллелизмом — казалось бы, навсегда ушедшим в небытие вместе с дописьменной эпохой словесности.

Новый сюжет

Открытия Пруста на уровне сюжета, выявленные Бройтманом, связаны, во-первых, с введением «внутреннего действия» как нового принципа сюжетостроения. По заключению исследователя, Пруст создает новый топос — топос «внутренней дороги», а также утверждает «самостоятельную ценность внутреннего действия», тогда как внешнее действие служит толчком к освобождению внутреннего процесса, на котором сосредоточивается «главный интерес сюжета».

Тем самым в его романах, как подчеркивает Бройтман, радикально переосмысливается сама природа сюжета: «в эпопее Пруста нет единого внешнего действия, нет единого хода событий», действие строится «клочками», а «организуемым принципом выступает кумулятивное нанизывание не только эпизодов, но и целых романов» [4, с. 311]. Актуализация древнего образного языка кумуляции — второй смысловой момент, отличающий архитектуру сюжета у Пруста.

При этом, как выразительно демонстрирует Бройтман, архаический кумулятивный принцип обнаруживает у Пруста свои новые возможности: это не просто архаическая «бессвязность» и не узаконенная традицией фрагментарность, а «нечто более существенное — нестационарная форма бытия сюжета», воплощение на событийном уровне художественной концепции книги.

Характеризуя сюжетную архитектуру, найденную Прустом, в ее целом, Бройтман отмечает, что принципы сюжетосложения у Пруста «подвергают сомнению одно из исходных представлений, лежащих в основе классического сюжета становления» — идею стационарности, устойчивости мира. «Этот аспект глубоко изучен Бахтиным», — отмечает Бройтман. «Сознание нестационарно»: оно не есть тотальность я, поскольку разделено «недоступной чертой» [4, с. 312]. Прустовский сюжет и строит такой мир, в котором наложен запрет на стационарность бытия и сознания: мир не существует весь и сразу, и потому не может быть изображен как единый ряд событий: «...В сюжете Пруста присутствует нестационарное, мерцающее, событийное состояние, некая пульсация, которая на самом деле является формой существования мира» [4, с. 312].

Рассмотрение С. Н. Бройтманом особенностей субъектной, образной и сюжетной архитектуры в романном цикле Пруста «В поисках утраченного времени» позволяет сделать следующие основные выводы:

1. В романе Пруста «произошло чрезвычайно важное для исторической поэтики *открытие автора и героя не как готовых и постоянных ролей в структуре произведения, а как перемежающихся, нестационарных состояний*» [4, с. 262].
2. Сюжетная архитектура, найденная Прустом, также манифестирует свою новизну: Пруст «радикально переосмысливает саму природу сюжета», и в его тексте создается особая, «*нестационарная форма бытия сюжета*» [4, с. 311]. И значение этого открытия, как показал С. Н. Бройтман, может быть оценено только в большом времени исторической поэтики.

Итак, в свете концепции С. Н. Бройтмана Марсель Пруст открывается как парадигматический для эпохи художественной модальности автор, и вместе с тем как наследник могучей традиции — долгой многовековой истории слова. В его романах переосмысливается и начинает по-новому звучать язык архаики: кумуляция, параллелизм, интересубъектная целостность. В текстах Пруста, таких ярко современных, оживают древние художественные формы, и ушедший в прошлое поэтический язык, будто по слову Бахтина, переживает «праздник возрождения».

Взгляд на Пруста в аспекте исторической поэтики открывает «неуловимую поэтику времени», — так определяет С. Н. Бройтман интересующий его темпоральный уровень художественного текста в своей последней книге, посвященной Пастернаку [5, с. 223]. Она «неуловима» потому, что не дана в тексте напрямую, в отличие от хронологической меры событий, и в то же время, скрываясь в субъектной и сюжетной архитектонике, эта поэтика становится доступной при изучении опосредующих эстетических связей в «большом времени» слова. Методология исследования поэтики времени, разработанная Бройтманом, — важный теоретико-методологический момент, которым дополняется опыт исторической поэтики в целом.

Историческая поэтика изображающего мира

Бахтинская мысль о «большом времени» и его теория романских жанров многоаспектно отзывается и в трудах Александра Викторовича Михайлова (1938-1995) [7]. Замечательный исследователь литературы и культуры, он сделал объемный вклад в развитие литературоведения, искусствознания, теории и истории науки. Насколько новыми и плодотворными были его научные идеи, показывают материалы ежегодных конференций «Михайловские чтения» в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН (руководитель проекта Л. И. Сазонова), многочисленные творческие отклики на его работы в германистике, русистике, музыковедении, философии, а также монографические исследования его научного наследия [8].

Так, А. В. Михайлов много занимался проблемами исторической поэтики; в опоре на отечественный и западный опыт он разработал свою ее концепцию, актуализируемую, в частности, и в книге С. Н. Бройтмана. Концепция эта основана на феноменологическом представлении об исторической изменчивости понимания: «Мы же знаем, что текст остается прежним, а его понимание, ощущение, переживание коренным образом меняется, и с этим до неузнаваемости меняется его духовный смысл» («Античность как идеал и культурная реальность XVIII-XIX веков») [10, с. 514-515]. Отсюда определилась предметная область работ А. В. Михайлова по исторической поэтике — «ключевые слова культуры» и их исторические «метаморфозы», т. е. переакцентуация, смещение их смыслов в «большом времени» литературной и культурной истории. Особое значение в этом плане имеют труды А. В. Михайлова о понимании личности и характера как основополагающих для литературы и культуры ключевых слов.

В заключительной части работы «Проблема характера в искусстве: живопись, скульптура, музыка» (1988) он писал: «На предыдущих страницах была сделана попытка взглянуть на процесс, который не могу назвать иначе, как гигантским и широчайшим, — на процесс глубокого переосмысления человеческой личности на протяжении трех тысяч лет. <...> Всё такое обманчиво-постоянное может переосмыслиться в свою противоположность. Грек видит „характер“ чертой, лежащей на самой поверхности, а для европейца нового времени тот же самый „характер“ лежит где-то в неисповедимых и темных глубинах личности. <...>

Это ведь шумит сама история, само дно которой, русло, начинает завораживающим образом открываться перед нами» [10, с. 265-266].

Закономерно особый интерес Михайлова вызывали переходные, рубежные эпохи (см: «Проблемы анализа перехода к реализму в литературе XIX века», «Поэтика барокко: завершение риторической эпохи», «Судьба классического наследия на рубеже XVIII-XIX веков» и др.); по его убеждению, многовековой процесс переосмысления «характера» и «личности» завершается на рубеже XIX-XX вв. Роман Пруста, по мысли Михайлова, имеет в этом отношении особое значение. Рассмотрим, в чем оно состоит.

Михайлов обращается к Прусту в работе «Методы и стили», написанной в 1980-е гг. и посвященной истории смены литературных стилей на протяжении «большого времени» европейской традиции; писателям начала XX в. отведено несколько итоговых страниц. «Западные литературы XX в. создают индивидуальные идейно-стилистические системы, — отмечает Михайлов. — Мир Джойса, Элиота, Томаса Манна, Кафки, Музиля, Броха, Бенна, Пруста — это всякий раз совершенно индивидуальный, особенный мир» [9, с. 129-130]. Далее кратко характеризуются главные черты новых стилей.

1. *Литературность слова.* На смену стилям реализма XIX в. приходят стили с противоположной тенденцией, ориентированные не на социальную действительность и «жизнь», а, напротив, на литературу как «память громадного, тысячелетнего литературного развития» [9, с. 131]: «опора на литературное, заключающее в себе целую традицию поэтического развития, слово предопределяет характер таких систем». «Литературность слова», подчеркивал Михайлов, «всецело зависит от традиции литературной истории; от традиции, утратившей, однако, органичность преемственности» [9, с. 132].
2. *Изменение представлений о личности: «незавершенность, незаконченность личности, „я“, образа человека».* Согласно суждению исследователя, «встреча „я“ с миром всегда до крайности осложнена, поскольку и „я“, и сам мир до предела усложнены. „Я“ несет на себе историю и несет бремя своей психологии; внутренний мир „я“ неопределен в своих очертаниях, нередко загадочен и всегда — беспредельно глубок» [9, с. 130].
3. *«Слово должно встретиться с жизнью»* [9, с. 129]. При всех кардинальных изменениях творческого самосознания писатели нового времени по-прежнему стремятся приблизиться к жизни; эту свою мысль Михайлов высказывает в опоре на Пруста: «Писатель имеет дело с ушедшей в прошлое, утраченной действительностью. Уже Пруст писал: „Величие подлинного искусства <...> заключалось в том, чтобы обрести вновь и заново постигнуть ту действительность, от которой мы так далеки, от которой мы удаляемся всё дальше и дальше, чтобы поведать нам о ней — о той действительности, без подлинного знания которой мы лишь умрем и которая есть не что иное, как наша жизнь“» [9, с. 131] (цитата отсылает к роману «Обретенное время» [11, с. 115]). «Встреча с жизнью» была

своего рода целью, горизонтом общих творческих устремлений писателей-современников: «Мечта об органической действительности, которая была бы „просто нашей жизнью“ и которая не ускользала бы от нас, была присуща не одному только Прусту» [9, с. 132].

В этой характеристике новых стилей важно отметить следующее. Михайлов описывает наступившую эпоху как сложный, конфликтный, противоречивый процесс, открывающий разнонаправленные векторы развития: «В задачи такого слова с самого начала — то есть с рубежа XIX-XX веков — входили поиски сообразной с ним стилевой системы, такой, в которой слово как носитель культурной, поэтической традиции могло бы открыться жизни, не утрачивая своей литературности, стилизованности» [9, с. 133]. И репрезентирует этот процесс, как видим, именно роман Пруста — единственного цитируемого здесь автора.

Соответственно, и творческая ситуация писателя также исключительно сложна: личность переосмыляется, и новому повествующему «я» нужно искать и устанавливать себя в новом отношении *к прошлому*, к «утраченному времени», а с другой стороны — в новом отношении *к настоящему*. Таким образом, на рубеже XIX-XX вв. в литературе рождалась новая, особенная *поэтика времени* — намечаемый А. В. Михайловым предмет исследования в романе Пруста, актуальный для исторической поэтики.

Закономерно возникает вопрос о методологии анализа, и главная трудность здесь в том, что по замыслу Михайлова предстоит изучать именно *процесс* переосмысления личности в романе Пруста. Михайлов не проводил специальных исследований творчества Пруста, но в его работах о понимании личности в искусстве рубежа XIX-XX вв. (прежде всего это «Проблема личности и характера в искусстве: живопись, скульптура, музыка») можно найти определенные методологические ориентиры, прочерчивающие ясную методологическую перспективу подхода и к роману «В поисках утраченного времени».

1. Во-первых, это обращение к *жанру портрета*, связанному с «традицией большого французского искусства — включением времени внутрь изобразительных форм произведения» [10, с. 257]. При этом для предметного рассмотрения отбираются картины художника, осуществившего «сдвиг», «преломление традиции» [10, с. 236, 244] в изображении человека. Это Э. Мане, в творчестве которого Михайлов видит «воплощение художественного перелома в истории искусства». «Совершенный Эдуардом Мане *поворот*, — подчеркивает он, — открывал перед искусством дальний путь...», его портреты выглядят «словно парадигмы судьбы человеческого „я“ в позднейшей истории искусства» [10, с. 241-244].
2. В центр исследовательского внимания выведен *взгляд* изображенного на портрете лица; это центральный методологический момент. Так, в «Портрете Дебютена» Михайлов выявляет «переход внутреннего в концентрированную энергию взгляда», дополнительно заметив: «Мане был великим мастером таких взглядов, в энергии которых выходит наружу сущность

и бытие <...>» [10, с. 239]. Взгляд изображенного на картине человека воспринимается Михайловым как главное средство, с помощью которого художник организует окружающее пространство и его предметное и смысловое наполнение.

Вся картина «Партия в крокет», по его мнению, «организована взглядами — разной силы и интенсивности»; «эти взгляды, размещенные на картине согласно тонкому чувству равновесия, и создают живописное, смысловое единство целого и приводят в движение всё окружающее — листву, траву, воздух, свет» [10, с. 239-240].

3. Проводится *сравнение* ранних и поздних работ Мане, направленное на поиск *изменений в его восприятии времени*. Предмет исследования — «организация времени» [10, с. 238], и методика сравнения сориентирована на анализ процессуальных явлений и на соответствующие аналитические понятия — *движение, динамику, метаморфозу*. Так, для Мане характерны, по наблюдениям Михайлова, «портреты в рост и передача движения, становящегося энергией внутреннего», и он фиксирует «движение вперед, незаметно приостановленное», «время — неопределенно длящееся, движение не застывшее, но приостановившееся», «замедленное время» [10, с. 239, 240].

Тот же принцип применяется и в характеристике других художников, продолжающих новую традицию. «У Пикассо предмет, вещь настигается в момент ее метаморфозы, — отмечает Михайлов. — Время тут тоже приостанавливается или просто прерывается — как запечатленный срез мига». «Смысловая динамика работ Пикассо <...> — подчеркивает он, — генетически связана с движением и временем на картинах сдержанного и сосредоточенного Сезанна. Через него <...> с динамикой смысла и времени у Эдуарда Мане, с произведенным им поворотом» [10, с. 249, 250].

4. Привлекается объемный культурный контекст эпохи и материал других искусств, что позволяет исследователю проследить процесс переосмысления личности во всей широте изменений языка культуры, в «великий час перестройки всей живописи, ее языка, ее иконографии, ее идеи красоты». Михайлов выявляет движение к новому «я» в скульптуре: «Роденовский герой, растворяясь в стихии камня, растворяется и как „я“, — удаляясь от простоты непосредственной жизни в вечность и миф, он удаляется и от определенности характерного»; «я», перенасыщенное и перегруженное, глубоко переосмыляется [10, с. 246].

Характеризуются сходные процессы и в музыке: «...судьба мелодизированной, индивидуализированной и уподобляемой „характеру“ темы в музыке, — пишет Михайлов, — сходна с такой же судьбой целостно-органической личности изобразительного искусства XIX в.» [10, с. 259]. Исследователь акцентирует, что у каждого из композиторов был свой «способ переосмысления традиции» — как у А. Берга, у Стравинского.

Заключение

Таким образом, в работах А. В. Михайлова по исторической поэтике задан новый подход к роману Пруста. Намеченная им перспектива исследования, его дальняя *цель* — это поэтика времени, открываемая Прустом в процессе переосмысления («сдвига») литературной традиции. *Предметная область* исследования — переосмысление «я» в его новых отношениях с миром прошлого и настоящего; потенциальный *метод* исследования, как подсказывают работы Михайлова по литературе и искусству рубежа XIX-XX вв., — сравнительный анализ произведений Пруста, создававшихся на протяжении 30 лет, начиная с первых журнальных публикаций 1890-1891 гг. и вплоть до последних месяцев жизни писателя, неустанно продолжавшего работу над романом «В поисках утраченного времени».

Конкретные *задачи* намечаемого в трудах Михайлова подхода:

- 1) сравнительный анализ портретных описаний и личностных характеристик на уровне соответствующих нарративных структур;
- 2) сопоставительное изучение композиционно-архитектонических принципов организации соотношений между «я» и миром;
- 3) «взгляд» (кругозор, центрация зрения): динамика взгляда личного повествователя в его связях с другими «я», предметами и вещами, окружающим ландшафтом;
- 4) сравнительный анализ описаний памятников культуры (живопись, музыка, архитектура), упоминаемых в разных романах цикла, в аспекте меняющейся рецепции времени.

Из всего сказанного следует, что в концепции С. Н. Бройтмана новизна романа Пруста раскрывается на уровне структуры изображенного мира (автор и герой, сюжет, «неуловимая поэтика времени»); в концепции А. В. Михайлова — мира изображающего (процесс переосмысления «характера» в «личность», меняющееся восприятие прошедшего и настоящего времени). Результаты и сама направленность их исследований говорят о яркой творческой продуктивности идей Бахтина для многостороннего изучения романного цикла Марселя Пруста в свете исторической поэтики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. / М. М. Бахтин. М.: Языки славянских культур, 2012. Том 3. 880 с.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. / М. М. Бахтин. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. Том 6. 800 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. М.: Искусство, 1986. 445 с.
4. Бройтман С. Н. Историческая поэтика / С. Н. Бройтман // Теория литературы: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Академия, 2004. Том 2. 368 с.

5. Бройтман С. Н. Поэтика книги Бориса Пастернака «Сестра моя — жизнь» / С. Н. Бройтман. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 608 с.
6. Данилина Г. И. «Историчность» в работах М. М. Бахтина / Г. И. Данилина // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 4. С. 69-89.
7. Данилина Г. И. Историчность романа: А. В. Михайлов («Роман и стиль») и М. М. Бахтин // В свете исторической поэтики: книга памяти С. Н. Бройтмана: статьи и воспоминания. М.: Росс. гос. гум. ун-т, 2008. С. 33-44.
8. Жизнь в науке: Александр Викторович Михайлов — исследователь литературы и культуры: коллект. монография / отв. ред. Л. И. Сазонова. М.: Ин-т мир. лит-ры им. А. М. Горького РАН, 2018. 624 с.
9. Михайлов А. В. Методы и стили литературы / А. В. Михайлов; ред.-сост., автор послесловия и коммент. Л. И. Сазонова. М.: Ин-т мир. лит-ры им. А. М. Горького РАН, 2008. 176 с.
10. Михайлов А. В. Языки культуры / А. В. Михайлов. М.: Языки русской культуры, 1997. 912 с.
11. Пруст М. Обретенное время / М. Пруст; пер. А. Смирновой. СПб.: Инапресс, 2000. 382 с.
12. Tamarčenko N. D. Bachtin, Veselovskij und Vjačeslav Ivanov. Theorie und historische Poetik des Romans / N. D. Tamarčenko // Die russische Schule der Historischen Poetik. München: Wilhelm Fink, 2013. S. 177-194. DOI: 10.30965/9783846753699_013

Galina I. DANILINA¹

UDC 82.01

**MARCEL PROUST IN THE “GREAT TIME”
OF HISTORICAL POETICS (BASED ON THE WORKS
OF S. N. BROITMAN AND A. V. MIKHAILOV)**

¹ Dr. Sci. (Philol.), Associate Professor,
Professor, Department of Russian and Foreign Literature,
University of Tyumen
g.i.danilina@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-0100-0948

Abstract

This article presents the result of studying M. Proust’s novel from the perspective of the historical poetics scientific school. The research material is based on S. N. Broitman’s “Historical Poetics” (2004) and A. V. Mikhailov’s “Methods and Styles of Literature” (1980s), “The Character Problem in Art: Painting, Sculpture, Music” (1988). The research problem is based on Bakhtin’s “Great Time” idea. The author shows how S. N. Broitman uses this idea while analyzing M. Proust’s “In Search of Lost Time”, namely, the ways and the results of the “Great Time” idea implementation. Bakhtin represents “dialogue in the Great Time” as a conversation between “I and the other, the author and the character”, besides, he separates compositional and architectonic forms. Based on these ideas, S. N. Broitman reveals the architectonic novelty of Proust’s novel: the intersubjectivity of the author and the hero, the unsteady plot, and the revival of the ancient poetic imagery. The other way of analyzing Proust’s novel is realized in A. V. Mikhailov’s conception. It is aimed at revealing the process of rethinking the keywords of culture in the “Great Time” of historical poetics. In Mikhailov’s opinion, “Personality” and “Character” are the most significant, representative keywords as far as in Proust’s times the process of their rethinking was completed. It has led to the birth of a new “I” and its new relationships with the time and the environment. According to Mikhailov’s logic, the meaning of “In Search of Lost Time” is fundamental in this regard, and the article reveals what this value consists of. There is one more aspect in Mikhailov’s conception the author of the article pays

Citation: Danilina G. I. 2022. “Marcel Proust in the ‘great time’ of historical poetics (based on the works of S. N. Broitman and A. V. Mikhailov)”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 3 (31), pp. 45-58.
DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-3-45-58

attention to. The researcher considers his methodology of analyzing transitional language of culture and art at the turn of the 19th-20th centuries as a perspective way of Proust's novel research. In Broitman's concept, the novelty of Proust's works is revealed at the level of the depicted world structure (author-character, plot, syncretic imagery), in Mikhailov's concept, the one is revealed by the world depicting ("I" and the new poetics of the time). This proves creative productivity of Bakhtin's ideas for a multilateral study of Proust's novel in the light of historical poetics.

Keywords

Bakhtin, Proust, historical poetics, S. N. Broitman, A. V. Mikhailov, "Great Time", plot architectonics, author-hero, rethinking of "Personality", time poetics.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-3-45-58

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. 2012. Collected Works in 7 vols. Vol. 3. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur. 880 pp. [In Russian]
2. Bakhtin M. M. 2002. Collected Works in 7 vols. Vol. 6. Moscow: Russkiye slovari; Yazyki slavyanskoy kultury. 800 pp. [In Russian]
3. Bakhtin M. M. 1986. The Aesthetics of Verbal Creativity. Moscow: Iskusstvo. 445 pp. [In Russian]
4. Broitman S. N. 2004. "Historical poetics", In: Tamarchenko N. D. (ed.). Theory of Literature in 2 vols. Vol. 2. Moscow: Akademiya. 368 pp. [In Russian]
5. Broitman S. N. 2007. Poetics of Boris Pasternak's Book "My Sister Is Life". Moscow: Progress-Traditsiya. 608 pp. [In Russian]
6. Danilina G. I. 2006. "'Historicity' in M. M. Bakhtin's works". Tyumen State University Herald, no. 4, pp. 69-89. [In Russian]
7. Danilina G. I. 2008. "The historicity of the novel: A. V. Mikhailov ("Novel and Style") and M. M. Bakhtin". In: In the Light of Historical Poetics: A Book in Memory of Samson Naumovich Broitman: Articles and Memoirs, pp. 33-44. Moscow: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet. Institut filologii i istorii. [In Russian]
8. Sazonova L. I. (ed.). 2018. Life in Science: A. V. Mikhailov — Researcher of Literature and Culture. Moscow: Institut mirovoy literatury im. A. M. Gorkogo RAN. 624 pp. [In Russian]
9. Mikhaylov A. V. 2008. Methods and Styles of Literature. Edited, foreword, and commentaries by L. I. Sazonova. Moscow: IMLI RAN im. A. M. Gorkogo. 176 pp. [In Russian]
10. Mikhaylov A. V. 1997. Languages of Culture. Moscow: Yazyki russkoy kultury. 912 pp. [In Russian]
11. Proust M. 2000. In Search of Lost Time. Translated by A. Smirnova. St. Petersburg: Inapress. 382 pp. [In Russian]
12. Tamarčenko N. D. 2013. "Bachtin, Veselovskij und Vjačeslav Ivanov. Theorie und historische Poetik des Romans". In: Die Russische Schule der Historischen Poetik, pp. 177-194. München: Wilhelm Fink. DOI: 10.30965/9783846753699_013